

Юдин Н.В.¹

**Война далекая и близкая: представления о военной угрозе
в странах Антанты накануне Первой мировой войны (1913-июнь 1914 гг.)**

Аннотация. В центре внимания данной статьи находится одна из наиболее дискуссионных проблем в современной историографии Июльского кризиса 1914 г.: проблема моральной подготовленности населения европейских держав к началу Первой мировой войны. На основе анализа публикаций в средствах массовой информации стран Антанты и неопубликованных документов российских и французских архивов, автор обращается к изучению череды предвоенных международных кризисов и реакции на них современников. Автор приходит к выводу, что алармистские публикации в прессе способствовали распространению представлений о возможности скорой общеевропейской войны, однако одновременно они выявили как внутреннюю противоречивость общественных настроений в Англии, Франции и России, так и взаимное недоверие, отличавшее взаимоотношения между партнерами по Антанте.

Ключевые слова: Первая мировая война, Июльский кризис, Антанта, Закон о трехлетней воинской службе, Лиман фон Сандерс, Газетная война 1914 г.

УДК 94(100)"1914/19"

Abstract. The paper dwells on one of the most controversial issues of the modern historiography of the July Crisis 1914: the issue of the mental readiness of the Great European powers' population to accept the First World War. On the basis of Entente's media research and a wide range of Russian and French primary sources the author analyses a sequence of prewar international crises and the contemporaries' response to them. The author comes to the conclusion that alarmist press publications fostered war awareness, but at the same time had conclusively shown both public sentiments' inconsistency in Great Britain, France and Russia, and mutual suspicions that marred relations within the Entente.

Key words: First World War, July Crisis, Entente, Three Years Service Bill, Liman fon Sanders, Paper war 1914.

¹ Юдин Николай Вадимович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов, факультет мировой политики, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: nicolas.yudin@gmail.com)

28 июня 1914 г. в боснийском городе Сараево сербским националистом Гаврилой Принципом был убит наследник австро-венгерского престола Франц Фердинанд. Так начался Июльский кризис 1914 г., который спровоцировал настоящий взрыв всех тех международных противоречий, что подспудно зрели в течение нескольких десятков лет, изредка прорываясь наружу в виде отдельных локальных конфликтов и инцидентов, и который привел к началу первой в истории человечества мировой войны. Неудивительно, что событиям Июльского кризиса посвящено необозримое количество работ как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Однако, как это ни парадоксально, споры о степени вины и роли той или иной великой европейской державы в развязывании Первой мировой войны не утихают до сих пор. На современном этапе развития историографии, который в целом характеризуется расширением проблематики исторических исследований, возрастанием интереса исследователей к «человеческому» измерению тех или иных исторических событий, к этим уже традиционным спорам добавились и новые. В частности, особую остроту приобрели дискуссии вокруг проблемы реакции населения европейских держав на начало новой войны. В этой дискуссии, пусть и очень условно, можно выделить два крупных направления.

Первое направление восходит своими корнями к работам французского историка П. Ренувена². Он сформулировал и поставил проблему моральной подготовленности населения великих держав в 1914 г. к большой войне³. По его мнению, активное обсуждение в прессе гонки вооружений и полемика вокруг новых военных законов не только порождали у современников чувство тревоги, но и внедряли в общественные настроения идею о перспективе скорой войны⁴. К аналогичным выводам, основанным уже на анализе настроений в английском обществе накануне и в начале войны, пришел и А. Марвик⁵. Он заключает, что в целом в 1914 г. война воспринималась современниками как вполне вероятная, хотя и отдаленная перспектива⁶. К этому же направлению можно отнести труды Д. Г. Херманна и Д. Стивенсона⁷, которые предприняли попытку взглянуть на события Июльского кризиса 1914 г. через призму гонки вооружений, разгоревшейся между великими державами в конце XIX в. – начале XX в. Д. Г. Херманн показывает динамику и внутреннюю логику, стоявшую за увеличениями военных бюджетов великих держав, а также приходит к выводу, что сопровождавшие их кампании в прессе, газетные войны и международные кризисы вели к нарастанию алармистских и шовинистических

² Renouvin P. La crise européenne et la Grande guerre (1904-1918). Paris, 1934.

³ Ibid. P. 152.

⁴ Renouvin P. Op. cit. P. 152.

⁵ Мы использовали второе издание этой монографии: Marwick A. The Deluge. British Society and the First World War. New York, 2006.

⁶ Marwick A. Op. cit. P. 69.

⁷ Herrmann D.G. The Arming of Europe and the Making of the First World War. Princeton, 1996; Stevenson D. Armaments and the Coming of War: Europe, 1904-1914. London, 1996.

настроений в этих странах и подготовили политиков и широкие массы населения к принятию войны в качестве способа разрешения всех противоречий⁸.

Основоположником второго направления⁹ стал французский историк Ж.-Ж. Беккер, который сформулировал и обосновал тезис о моральной неподготовленности населения великих держав к неожиданно разразившейся войне¹⁰. Опираясь на широкий массив архивных документов и материалов прессы, Ж.-Ж. Беккер заключил, что Первая мировая война явилась для подавляющего большинства людей той эпохи полной неожиданностью и вызвала, в первую очередь, чувства подавленности, страха и тревоги¹¹. Ж.-Ж. Беккер отрицает наличие реваншистских настроений в широких кругах французского населения, которое, по его мнению, было мало заинтересовано во внешнеполитических проблемах¹². Эту мысль впоследствии развил Дж. Ф. В. Кейгер, который писал, что в Англии и Франции и политики и широкие слои населения были всецело погружены во внутренние проблемы, для них вообще не существовало такого явления как «Июльский кризис», поэтому война застала их буквально врасплох¹³.

Говорить о том, что между представителями этих направлений развернулась дискуссия в прямом смысле слова вряд ли уместно. Ученые, считающие, что население европейских держав было застигнуто войной врасплох, опираются в своих выводах, как правило, на документы и свидетельства, непосредственно относящиеся к периоду Июльского кризиса; исследователи, приходящие к противоположному заключению, исходят из анализа более широкого исторического контекста. Хотелось бы при этом отметить, что, как ни парадоксально, одной из причин этих споров является не недостаток исторических источников, дошедших до нас с тех времен, а, наоборот, их изобилие. В них содержатся крайне противоречивые свидетельства и оценки, позволяющие при желании обосновать практически любую концепцию. Эта ситуация, очевидно, чревата скатыванием исторических исследований в эпистемологический релятивизм.

Данное обстоятельство настоятельно диктует применение в современных исторических исследованиях, посвященных проблемам Первой мировой войны, новых междисциплинарных методологических подходов, осмысления событий той эпохи с точки зрения их включенности в более широкий исторический контекст. В частности, чтобы приблизиться к пониманию уникальной морально-психологической атмосферы, характеризовавшей настроения населения великих европейских держав в

⁸ Ibid. P. 197-199.

⁹ Winter J.M., Baggett B. 14-18: Le grand bouleversement. Paris, 1997; Schor R. La France dans la Première guerre mondiale. Paris, 1997; Loez A. 14-18. Les refus de la guerre. Une histoire des mutins. Paris, 2010; Idem. La Grande guerre. Paris, 2010; Mulligan W. The Origins of the First World War. Cambridge, 2010.

¹⁰ Becker J.-J. 1914: Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977.

¹¹ Ibid. P. 259.

¹² Becker J.-J. La population française face à l'entrée en guerre // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914-1918. Paris, 1990. P. 36-37.

¹³ Keiger J.F.V. France and the Origins of the First World War. London, 1983. P. 145-146, 162; Idem. Britain's "Union Sacrée" in 1914 // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914-1918. Paris, 1990. P. 40-46.

период Июльского кризиса 1914 г., представляется целесообразным обратиться к анализу перипетий предвоенных международных отношений и реакции на них современников. Мы ставим перед собой цель выяснить, как воспринималась перспектива войны населением стран Антанты в 1913 – первой половине 1914 гг., когда европейскую политику потрясла целая череда кризисов. Для этого необходимо будет, прежде всего, проанализировать содержание газетных и журнальных публикаций в Англии, Франции и России, поскольку в рассматриваемый период они воспринимались самими современниками как подлинное отражение общественных настроений, синоним общественного мнения. Скорректировать и дополнить неизбежно предвзятые и ангажированные оценки средств массовой информации позволяют неопубликованные документы отечественных и зарубежных архивов, которые, к тому же, проливают свет на сложный характер взаимоотношений между партнерами по Антанте, омрачавшийся взаимным недоверием и застарелыми противоречиями.

Последние предвоенные годы характеризовались нарастанием напряженности и конфликтности в отношениях между противостоящими группировками великих европейских держав. Во всех странах шла активная подготовка к будущей войне, выражавшаяся в тот момент в принятии специальных военных бюджетов, утверждении новых военных программ, направленных на перевооружение армий, увеличение их численности и усиление резервов¹⁴. Вехами в этом процессе могут послужить военные законы в Германии, Франции и России, принятые в 1912 г.¹⁵; избрание Р. Пуанкаре президентом Франции в 1913 г., которое отразило утверждение во французской правящей элите курса на жесткое противодействие внешнеполитическим устремлениям Германии¹⁶; ярким доказательством последнего вывода служит принятие во Франции нового военного закона в том же 1913 г., как ответной меры на увеличение германского военного бюджета¹⁷. На этом сюжете хотелось бы остановиться поподробнее.

Уже в начале – середине января 1913 г. на страницах газет и журналов стран Антанты начали появляться первые слухи о возможном новом увеличении в ближайшее время армии Германии. Сперва они воспринимались весьма скептически¹⁸, но по мере получения информации из Германии,

¹⁴ Красноречивую картину нарастания напряженности в Европе накануне Первой мировой войны рисуют донесения русских военных агентов, об этом см. подробнее: Сергеев Е.Ю., Улуян Ар.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. М., 2003.

¹⁵ Herrmann D.G. Op. cit. P. 174; Luntinen P. French Information on the Russian War Plans, 1880-1914. Helsinki, 1984. P. 192.

¹⁶ Именно так воспринималось избрание Р. Пуанкаре русскими дипломатами и правыми средствами массовой информации. См. например: Архив внешней политики Российской империи [Далее - АВПРИ]. Ф. 133. Оп. 470. Д. 120. 1913 г. Л. 4; Новое время. 1913, 5 (18) января. С. 4; Московские ведомости. 1913, 13 (26) января. С. 1; Евдокимова Н.П., Виватенко С.В. Раймон Пуанкаре – президент Франции. СПб., 2006. С. 168-170; McMillan J. The Way It Was, 1914-1934. London, 1979. P. 17; Mulligan W. Op. cit. P. 147.

¹⁷ Антюхина-Московченко В.И. История Франции, 1870-1918. М., 1963. С. 613; Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма. 1871-1919. М., 1928. С. 231.

¹⁸ The Times. 1913, 10 Jan. P. 5; Le Figaro. 1913, 24 Jan. P. 2.

тональность газетных публикаций начала меняться¹⁹. 30 января «Таймс» опубликовала статью под заголовком «Австро-германские вооружения», где с тревогой отмечалось, что Германия и Австрия в 1912 г. приняли ряд беспрецедентных по своим масштабам военных законов, и по имеющейся информации собирались и в новом году продолжить укрепление своих вооруженных сил²⁰. Признавая обоснованность беспокойства Центральных держав по поводу изменения соотношения сил в Европе (рост военной мощи России, укрепление Антанты, разгром Турции, складывание мощного союза балканских государств), «Таймс» подчеркивала, что Англия не может позволить себе оставить без внимания рост вооружений Австрии и Германии²¹.

В этой связи английские журналисты ставили вопрос о перспективах развития международной ситуации и роли в этом Англии. Примером тому может служить появление на страницах такого авторитетного английского журнала как «Фортнайтли ревью» статьи Дж. Э. Баркера, в которой анализировались возможные причины будущей общеевропейской войны²². Он считал, что австрийская дипломатия могла найти или создать повод для нападения на Сербию, что почти неизбежно привело бы к вовлечению в войну России. В этих условиях Франция и Германия также не остались бы в стороне. Решающее значение тогда приобретала позиция Англии, только она способна была предотвратить развязывание общеевропейской войны²³. Далее он задавался вопросом: а стоит ли Англии вмешиваться? На первый взгляд, война на континенте с участием всех великих держав сулила Англии огромные выгоды, так как взаимное ослабление основных конкурентов привело бы к упрочению ее промышленного и торгового потенциала. Таким образом, очень велико было искушение допустить нападение Австрии на Сербию, к тому же для этого Англии не надо было бы предпринимать никаких усилий, достаточно было скрупулезно придерживаться политики невмешательства, сохранять строгий нейтралитет во время переговоров, предшествующих нападению²⁴.

Однако Дж. Э. Баркер тут же решительно отметал подобные идеи, заявляя, что такая аморальная политика навсегда покрыла бы Англию несмываемым позором²⁵. Он писал: «Если Великобритания будет энергично бороться за мир в Европе, если она сумеет предотвратить нападение Австрии на Сербию и развязывание большой европейской войны, она тем самым защитит свои собственные интересы»²⁶. Словно бы в ответ на эту публикацию, в «Новом времени» уже 5 февраля была напечатана статья «Возобновление Балканской войны», где также ставился вопрос о роли Англии в будущем

¹⁹ The Times. 1913, 23 Jan. P. 5; Le Figaro. 1913, 5 Fév. P. 2; Московские ведомости. 1913, 24 января (6 февраля). С. 1.

²⁰ The Times. 1913, 30 Jan. P. 5.

²¹ Ibidem.

²² The Fortnightly Review. Vol. 93. 1913, Jan.

²³ The Fortnightly Review. Vol. 93. 1913, Jan. P. 32-33.

²⁴ Ibid. P. 33.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibid. P. 35.

конфликте. Газета приходила к выводу, что участие Великобритании в войне неизбежно, и дело вовсе не в моральных соображениях, а в неуклонном росте мощи Германии²⁷.

Официальное подтверждение информации, что германское правительство готовит новый военный закон, предполагающий увеличение кадрового состава немецкой армии к 1918 г. до 850 тыс. человек, вызвало множество публикаций в прессе стран Антанты²⁸. Самые резкие оценки немецким планам давала российская печать. «Новое время» отозвалось статьей «Новый взрыв германского милитаризма»²⁹. Отмечалось, со ссылкой на данные о темпах реализации предыдущих немецких военных законов 1911 и 1912 гг., что этот закон, официально рассчитанный на пять лет, будет выполнен не к середине 1918 г., а к середине 1914 г. «Невольно вспоминается при этом, что 1914 год уже давно указывался как год, угрожающий Европе общей войной (по совокупности той конъюнктуры, которую в этом году представят соперничающие морские и военные программы)»³⁰. Появление подобных публикаций может служить свидетельством существования, как минимум у части населения стран Антанты, представлений о возможности скорой войны в Европе. Впрочем, вопрос о распространенности подобных представлений в 1913 г. остается открытым.

Интересной представляется реакция на эту новость французских средств массовой информации. Поначалу она была достаточно сдержанной³¹. Высказывалась идея, что государство вполне может наращивать свои вооружения, оставаясь при этом миролюбивым³². Однако затем тональность публикаций неожиданно изменилась. Официозные газеты встали во главе начавшейся 20 февраля кампании во французской прессе в пользу возвращения трехлетнего срока службы в армии (в 1905 г. он был сокращен с 3-х до 2-х лет), как единственной меры, способной компенсировать колоссальное усиление германских вооруженных сил³³. С целью обосновать необходимость увеличения на год срока службы в армии, они ссылались на демографические показатели во Франции (население 39 млн. человек, сокращается*) и в Германии (65 млн. человек, население растет)³⁴, на сопоставление их военных затрат³⁵, на военные законы, принятые Германией в 1911 и 1912 годах³⁶. Наконец, из номера в

²⁷ Новое время. 1913, 23 января (5 февраля). С. 5.

²⁸ Новое время. 1913, 8 (21) февраля. С. 3; Московские ведомости. 1913, 24 января (6 февраля). С. 1; Le Figaro. 1913, 9 Fév. P. 1; Le Temps. 1913, 11 Fév. P. 1; Ibid. 15 Fév. P. 1; Ibid. 16 Fév. P. 1; The Times. 1913, 20 Feb. P. 7.

²⁹ Новое время. 1913, 8 (21) февраля. С. 3.

³⁰ Там же.

³¹ Le Figaro. 1913, 9 Fév. P. 1; Le Temps. 1913, 11 Fév. P. 1; Ibid. 15 Fév. P. 1.

³² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 116. 1913 г. Л. 8; Le Temps. 1913, 15 Fév. P. 1; Ibid. 16 Fév. P. 1.

³³ Michon G. La préparation à la guerre. La Loi de trois ans, 1910-1914. Paris, 1935. P. 137.

* Современные исследователи приводят цифру 39,6 млн человек, при этом население Франции не сокращалось, но темпы роста снижались. См. например: McPhee P. A Social History of France. 1789-1914. New York, 2004. P. 250.

³⁴ Le Temps. 1913, 21 Fév. P. 1; Le Matin. 1913, 28 Fév. P. 1.

³⁵ Le Temps. 1913, 23 Fév. P. 1; Le Matin. 1913, 21 Fév. P. 3.

³⁶ Le Temps. 1913, Ibid. 26 Fév. P. 1.

номер повторялось утверждение, что население страны в целом и будущие призывники в частности с энтузиазмом встречают идею возвращения к трехлетней службе³⁷.

Особенно решительно в этой связи высказывалась газета «Фигаро»³⁸. Уже в феврале 1913 г., когда агитация в пользу закона о трехлетней воинской службе только набирала обороты, «Фигаро» начала писать о перспективе грядущей общеевропейской войны, апеллируя к образам великого прошлого и опираясь на реваншистские настроения³⁹. Газета напоминала читателям о потерянных Эльзасе и Лотарингии и связывала надежду на их возвращение с новой войной.

Вся эта шумиха в прессе призвана была подготовить население к соответствующим правительственным мерам, которые не заставили себя ждать. 4 марта 1913 г. Р. Пуанкаре созвал высший военный совет, на котором единогласно было принято решение вернуться к трехлетнему сроку службы призывников в армии⁴⁰. 6 марта военный министр внес в парламент законопроект, предусматривавший увеличение армии мирного времени примерно на 160 тыс. человек и оставление под знаменами на дополнительный год солдат призыва 1911 года⁴¹.

Этот проект был с воодушевлением встречен официозной печатью. В течение последующих месяцев на страницах «Тан» и «Фигаро» постоянно появлялись статьи и письма от читателей, в которых проводилась идея о готовности населения Франции пойти на любые жертвы во имя защиты родины; что новый военный закон это единственная мера, способная восстановить баланс сил, нарушенный Германией⁴². «Матен» избрала другую тактику, сосредоточив свое внимание на описании беспрецедентного характера военных приготовлений Германии⁴³.

Говоря об этой газетной кампании, хотелось бы особенно подчеркнуть, что в то время никто не делал секрета из того, против кого принимается этот закон. Наоборот, угроза со стороны Германии представлялась проправительственными газетами как своего рода аксиома: именно она выступала едва ли не главным оправданием увеличения срока службы в армии, она противопоставлялась интернационалистским лозунгам социалистов, она призывала к сплочению перед лицом внешней опасности. Можно заключить, что, по крайней мере, с точки зрения пропаганды, образ будущего врага получил во Франции вполне конкретное наполнение и определение. Другой вопрос, как эту пропаганду воспринимали широкие слои населения. Чтобы ответить на него необходимо обратиться к изучению документов архивов и публикаций оппозиционной, прежде всего социалистической, печати.

³⁷ Ibid. 21 Fév. P. 1; Ibid. 26 Fév. P. 1; Ibid. 28 Fév. P. 1.

³⁸ Le Figaro. 1913, 16 Fév. P. 2.

³⁹ Ibid. 25 Fév. P. 1.

⁴⁰ Антюхина-Московченко В.И. Указ. соч. С. 613.

⁴¹ Там же.

⁴² Le Temps. 1913, 7-28 Mars. P. 2; Le Figaro. 1913, 3-25 Mars. P. 1.

⁴³ Le Matin. 1913, 6-31 Mars. P. 3.

А. П. Извольский докладывал о настроениях во Франции совершенно в духе французского официоза: «Отовсюду, как со школьных скамей и от общества «военного подготвления» /La preparation militaire/ [Так в тексте – прим. Н.Ю.], так и со стороны народных учителей и многих других общественных групп, были посланы Президенту Республики уверения в полной готовности твердо исполнить национальный долг, понести все жертвы для защиты отечества. Получилось впечатление как будто закон о трехлетней воинской повинности вышел за пределы парламентских прений и превратился в общее патриотическое дело»⁴⁴. Характерно, что русский посол, являвшийся убежденным сторонником укрепления Русско-французского союза, забыл упомянуть в своем донесении о влиятельной оппозиции новому закону со стороны французских социалистов, анархистов и профсоюзов.

Иную картину общественных настроений рисовали на своих страницах газета социалистов «Юманите» и анархистская «Батай синдикалист»*. Они вступили в активную полемику с «Ган», последовательно критикуя аргументы официозных изданий⁴⁵. По их мнению, принятие нового законопроекта грозило всплеском милитаризма, национализма и военной реакции, ставило под угрозу сами основы Республики⁴⁶. Указывалось, что этот закон не только не целесообразен с военной точки зрения⁴⁷, но, к тому же, не встречает никакой поддержки у населения⁴⁸. Серьезным аргументом в пользу последней идеи служила опубликованная в «Юманите» петиция против военного закона, которую подписали такие известные деятели французской культуры и науки, как А. Франс, П. Ланжевен, Э. Дюркгейм, Ш. Сеньобос, М. Бреаль и многие другие⁴⁹. Следует отметить, что французские социалисты не ограничивались одной критикой военного закона, но выступали со своими проектами, в частности, с идеей всеобщего вооружения народа, создания вместо регулярной армии народной милиции⁵⁰.

Помимо статей в периодических изданиях французские социалисты и анархисты активно использовали и другие способы агитации: памфлеты⁵¹, афиши⁵², карикатуры⁵³, митинги и лекции⁵⁴, сбор подписей под петициями против нового военного закона⁵⁵.

⁴⁴ АВПРИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 116. 1913 г. Л. 10, 11.

* Мы будем ссылаться на вырезки из этой газеты, сделанные сотрудниками французского МВД и хранящиеся во французском Национальном архиве: Archives Nationales [Далее – AN] F. 7. 13336.

⁴⁵ L'Humanité. 1913, 25 Fév. P. 1; Ibid. 1914, 3 Mars. P. 1; Ibid. 1913, 6 Mars. P. 1

⁴⁶ Ibid. 1913, 24 Fév. P. 1; Ibid. 1913, 4 Mars. P. 1; AN. F. 7. 13336. La Bataille Syndicaliste. 1913, 7 Mars, Ibid. 1913, 9 Mars; Ibid. 1913, 18 Mars.

⁴⁷ L'Humanité. 1913, 24 Fév. P. 1; Ibid. 1913, 25 Fév. P. 1; Ibid. 1913, 3 Mars. P. 1; Ibid. 1913, 4 Mars. P. 1; Ibid. 1913, 13 Mars. P. 1; Ibid. 1913, 15 Mars. P. 1.

⁴⁸ Ibid. 1913, 25 Fév. P. 1.

⁴⁹ Ibid. 1913, 13 Mars. P. 1.

⁵⁰ Ibid. 1913, 8 Mars. P. 1; Ibid. 1913, 16 Mars. P. 1.

⁵¹ AN. F. 7. 13335. Contre les armements, contre la loi de 3 ans, contre tout militarisme. Mai 1913; Ibid. Laisant C.-A. Contre la loi des trois ans.

⁵² AN. F. 7. 13335. Paris. 1913, 27 Mai.

⁵³ Ibid. Amiens. 1913, 25 Avril.

⁵⁴ Ibid. Paris. 1913, 18 Mars; AN F. 7. 13336. Albi. 1913, 17 Mars; Ibid. Toulouse. 1913, 24 Mars; Ibid. Paris. 1913, 15 Mars.

Как показывают отчеты и донесения МВД, французское правительство с большой тревогой следило за деятельностью социалистов и анархистов, в которых видело главного противника в борьбе за общественное мнение⁵⁶. Ежемесячно составлялись сводки об антивоенных акциях левых в различных департаментах Франции, их программах и целях⁵⁷. Эта тревога оказалась ненапрасной, в мае по стране прокатилась волна протестов военнослужащих, призванных в 1911 г. Согласно планам правительства, им предстояло остаться в армии еще на один год сверх срока. 18-20 мая произошли волнения солдат в Туле (Toul), Нанси и ряде других городов, 28 мая – в Лилле⁵⁸. Эти волнения позволяют пролить свет на отношение общества к предполагаемому увеличению срока службы и по-новому оценить степень влияния пропаганды через средства массовой информации, прежде всего газеты.

Как уже отмечалось выше, когда речь заходила о возвращении к трехлетнему сроку службы, ведущие французские газеты стремились показать, что эта мера встречает полную поддержку и понимание со стороны всего французского общества, в том числе будущих призывников. Не имея возможности обойти молчанием эти выступления солдат, пресса Англии, Франции и России, постаралась списать их на пропаганду социалистов, главных противников принятия закона о трехлетней воинской службе⁵⁹. Помимо этого, французские газеты, в частности «Фигаро», стремились подчеркнуть изолированность и общую незначительность волнений, их осуждение со стороны общественности⁶⁰. В том же ключе рапортовал в Россию и А. П. Извольский: «Однако особенно значительных размеров беспорядки не достигли... Характерно, что в приграничных местностях, как например в Туле, гражданское население, глубоко возмущенное поведением непокорных солдат, принимало деятельное участие в задержании манифестантов и в водворении порядка»⁶¹. Все же волнения среди солдат не прошли незамеченными для французского правительства и, когда в июле 1913 г. закон о трехлетней воинской службе был принят Палатой депутатов, он не распространился на солдат, уже отслуживших 2 года.

Мы так подробно остановились на этом сравнительно компактном сюжете по нескольким причинам. Во-первых, он дает чрезвычайно яркую картину внутривнутриполитических противоречий во Франции накануне Июльского кризиса. Правительству приходилось считаться с сильной оппозицией слева, которая вела активную антивоенную агитацию среди рабочих, призывников и солдат. Результаты деятельности социалистов имели противоречивый характер: с одной стороны, они так и не смогли

⁵⁵ Ibid. Paris. 1913, 3 Mai.

⁵⁶ AN. F. 7. 13335. Paris. 1913, 5 Mars.

⁵⁷ Ibid. Paris. 1913, 26 Mars.; Ibid. 1913, 8 Avril.

⁵⁸ Ibid. Paris. 1913, 20 Mai; Ibid. 1913, 24 Mai; Ibid. 1913, 27 Mai.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 132. 1913 г. Л. 267; Le Temps. 1913, 18 Mai. P. 3; Ibid. 1913, 28 Mai. P. 3; Le Figaro. 1913, 20 Mai. P. 1; Ibid. 1913, 21 Mai. P. 2; Le Petit Parisien. 1913, 20 Mai. P.1; Ibid. 1913, 21 Mai. P. 1; Ibid. 1913, 22 Mai. P. 1; The Times. 1913, 21 May. P. 7; Ibid. 1913, 22 May. P. 7.

⁶⁰ Le Figaro. 1913, 20 Mai. P. 1

⁶¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 116. 1913 г. Л. 30.

заручиться массовой поддержкой населения и заблокировать новый военный закон; с другой стороны, во многом под их давлением законопроект был принят в смягченной форме.

Во-вторых, на примере полемики во французской прессе вокруг закона о трехлетней службе в армии ярко проявились особенности средств и методов по мобилизации общественных настроений в рассматриваемый период. Официозные издания апеллировали к чувству любви к родине, долгу, дисциплине, жертвенности. Реваншистские идеи не играли ведущей роли в их аргументации, но, тем не менее, они периодически проскальзывали в статьях, да и в целом, крупные газеты прямо писали, что новый военный закон спровоцирован Германией и направлен против нее. Усилиями официозных газет французскому обществу прививалась мысль, что его главный, недремлющий враг притаился на востоке, что оттуда постоянно надо ждать удара. Социалисты и анархисты стремились противопоставить этим идеям логику классово-борьбы и международной солидарности пролетариата, однако их аргументы, как отмечало французское МВД⁶², не находили широкой поддержки в обществе, за исключением его радикальных и сравнительно немногочисленных групп. Гонка вооружений была фактом, ясно осознававшимся современниками, на этом фоне гарантии немецких и французских социалистов о недопущении ими войны между двумя странами выглядели достаточно бледно.

Наконец, в-третьих, этот сюжет получил самый живой отклик в других странах Антанты. В России консервативные газеты приветствовали законопроект о возвращении к трехлетнему сроку службы. Так, 25 февраля в «Новом времени» появилась статья, в которой, в частности, говорилось, что «наш французский союзник переживает в данный момент эпоху яркого и совершенно несомненного патриотического подъема. Германское правительство очень плохо выбрало момент для своих милитаристических предприятий. Ответ из Парижа последовал немедленно и в высшей степени достойной форме»⁶³. О напряженном внимании со стороны русского общественного мнения к этому вопросу доносил в Париж и французский поверенный в делах в Петербурге⁶⁴. О значении, которое придавала этому закону русская дипломатия, свидетельствуют регулярные телеграммы А.П. Извольского⁶⁵.

Более сдержанно отзывалась о ситуации во Франции английская печать. Даже консервативная газета «Таймс», выступавшая в тот период одним из главных сторонников укрепления Антанты, с настороженностью писала о реакции французов на закон о трехлетней службе. В статье «Национальное возрождение во Франции» от 3 марта 1913 г., отмечалось, что «нынешнее состояние настроений общественности в Париже и во французских департаментах требует дополнительного изучения. Сейчас

⁶² AN. F. 7. 13335. Paris. 1913, 26 Mars.

⁶³ Новое время. 1913, 12 (25) февраля. С. 3.

⁶⁴ Archives du Ministère des affaires étrangères [Далее – АМАЕ]. Correspondance politique et commerciale, 1896-1918. Nouvelle série. Russie. Vol. 42. P. 265.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 132. 1913 г. Л. 103, 228, 267, 283, 403, 409; Там же. Ф. 133. Оп. 470. Д. 116. 1913 г. Л. 8, 10, 29-30, 45, 48, 49-50; Там же. Ф. 133. Оп. 470. Д. 120. 1913 г. Л. 4, 12.

невозможно судить о французском общественном мнении, основываясь исключительно на публикациях парижских газет. Газеты гораздо чаще вызывают к общественному мнению, чем интерпретируют его; чаще стремятся создать его, чем выразить»⁶⁶. Одновременно «Таймс» писала, что пропаганда нового закона может быть чревата всплеском во Франции реваншизма, шовинизма и милитаризма.

Эта публикация вызвала активный протест французского посла в Лондоне П. Камбона, который обратился за разъяснениями в Форин Офис (напомним, что современники воспринимали «Таймс», несмотря на официальные опровержения, как орган английского правительства)⁶⁷. Постоянный помощник министра иностранных дел Великобритании А. Никольсон, сам являвшийся горячим сторонником укрепления Антанты, поспешил заверить французского посла, что данная статья не отражает мнения английских правящих кругов и вообще представляет собой не более чем досадное недоразумение⁶⁸. Из этого незначительного на первый взгляд эпизода, можно заключить, какое значение придавалось публикациям в средствах массовой информации политиками и дипломатами того времени.

На этом, однако, обсуждение в Англии военных приготовлений в Европе не закончилось. Консервативная пресса в целом приветствовала меры французского правительства⁶⁹. В тоже время новый военный закон во Франции вызвал сильное беспокойство английских либералов, которые обратились к премьер-министру Г. Асквиту с просьбой прояснить характер обязательств Англии перед ее партнерами по Антанте, прежде всего, относительно отправки войск на континент в случае войны⁷⁰. Г. Асквит уверил парламентариев, что не существует никаких тайных договоренностей, которые бы ограничивали свободу действий английской дипломатии или принуждали бы страну вступать в войну в Европе на стороне Антанты⁷¹. Комментируя это выступления английского премьера, П. Камбон замечал, что в сложившихся обстоятельствах оно в целом отвечало французским интересам, поскольку не давало повода к негативным комментариям в прессе. Одновременно он составил меморандум, в котором приводил тексты англо-французских военных соглашений⁷², особенно подчеркивая, что они вступали бы в силу только после заключения формального военного союза между двумя странами⁷³.

Подводя итог анализу полемики вокруг закона о трехлетней службе в армии во Франции, можно заключить, что она отнюдь не была исключительно внутривнутриполитическим вопросом, а оказалась самым тесным образом связано с развитием отношений внутри Антанты. И в России, и в Англии этот закон активно комментировался в прессе, а политики и дипломаты этих стран четко связывали его с

⁶⁶ The Times. 1913, 3 March. P. 8.

⁶⁷ Steiner Z.S. The Foreign Office and Foreign Policy, 1898-1914. Cambridge, 1969. P. 190.

⁶⁸ AMAE. Correspondance politique et commerciale, 1896-1918. Nouvelle série. Grande Bretagne. Vol. 22. P. 162-164.

⁶⁹ Ibid. P. 165-166.

⁷⁰ Ibid. P. 174-176.

⁷¹ Ibidem.

⁷² AMAE. Correspondance politique et commerciale, 1896-1918. Nouvelle série. Grande Bretagne. Vol. 22. P. 213-222, 260-264.

⁷³ Ibid. P. 214.

нарастанием военной напряженности в Европе. Благодаря рассмотрению этого сюжета мы уже можем скорректировать некоторые утвердившиеся в западной историографии взгляды и концепции. Речь идет прежде всего о тезисе, будто либералы в Англии и, шире, английское общественное мнение, пребывали в полнейшем неведении о постепенно сгущавшихся над Европой тучах. Как видно из анализа газетных публикаций и архивных материалов, в Англии как минимум уже в 1913 г. поднимался вопрос о перспективах участия страны в войне на континенте.

Осень 1913 г. была отмечена сравнительным затишьем в отношениях между европейскими державами. Известия о визите русской военной эскадры в Англию и Францию⁷⁴, об увеличении военного бюджета Австро-Венгрии⁷⁵, о визите Сазонова в Париж и его переговорах с Пуанкаре⁷⁶ не вызывали большого резонанса в прессе Антанты, сводясь к сухому изложению фактов, и довольно быстро сходили со страниц газет. Однако уже в конце ноября ситуация резко изменилась.

25 ноября «Новое время» напечатало первое сообщение о намерении Германии отправить в Турцию военную миссию во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом⁷⁷. Миссия призвана была заняться реорганизацией турецкой армии, а сам фон Сандерс должен был принять командование над турецким корпусом, расположенным по берегам пролива Босфор. «Новое время» расценило эти действия германской дипломатии как стремление поставить под свой полный контроль Порту, добиться скорейшего распада Османской империи⁷⁸. Одновременно газета обрушилась с беспощадной критикой на русское Министерство иностранных дел, обвинив его в бездеятельности и пассивности⁷⁹.

Интересно отметить, что английские и французские средства массовой информации заняли в тот момент выжидательную позицию⁸⁰. Тот факт, что официозная пресса Антанты не торопилась с открытым выступлением в поддержку России, может быть объяснен колебаниями правительств Англии и Франции. Не стоит забывать, что противодействие росту русского влияния в Турции, стремлениям России обеспечить себе благоприятные позиции в зоне Черноморских проливов, были традиционным элементом ближневосточной политики других великих держав, прежде всего Англии⁸¹.

В пользу этого предположения говорит тот факт, что только после совместного демарша послов держав Антанты в Константинополе 14 декабря, когда они обратились к турецкому правительству с целью выяснить условия германо-турецкого соглашения, английские и французские газеты резко

⁷⁴ Новое время. 1913, 2 (15) сентября. С. 4; Там же. 1913, 4 (17) сентября; Там же. 1913, 7 (20) сентября; Там же. 1913, 10 (23) сентября; Le Temps. 1913, 23 Sept. P. 1.

⁷⁵ Новое время. 1913, 30 сентября (13 октября). С. 4; Le Temps. 1913, 16 Oct. P. 2; The Economist. Vol. 77. 1913, 11 Oct. P. 652, 691.

⁷⁶ Новое время. 1913, 5 (18) октября. С. 4.

⁷⁷ Новое время. 1913, 12 (25) ноября. С. 3.

⁷⁸ Там же. 1913, 12 (25) ноября. С. 3; Там же. 1913, 14 (27) ноября. С. 4; Там же. 1913, 20 ноября (3 декабря). С. 4.

⁷⁹ Там же. 1913, 13 (26) ноября. С. 3.

⁸⁰ Le Temps. 1913, 26 Nov. P. 2; Ibid. 1913, 1 Déc. P. 2; The Times. 1913, 29 Nov. P. 7; Ibid. 1913, 2 Dec. P. 7.

⁸¹ Bestuzhev I.V. Russian Foreign Policy, February-June 1914 // 1914: The Coming of the First World War. New York, 1966. P. 92.

поменяли тональность своих публикаций. Пресса Антанты отреагировала на этот демарш целой серией статей, в которых подчеркивалось значение Антанты в поддержании баланса сил в мире, говорилось о необходимости всемерного укрепления этого блока⁸². Красной нитью через публикации газет в этот период проходит идея, что именно Германия становится главным дестабилизирующим положение в Европе фактором⁸³.

15 декабря «Тан» напечатала статью «Немецкая военная миссия в Константинополе», в которой отмечалось: «В этом вопросе Франция и Англия целиком и полностью отстаивают и будут отстаивать точку зрения России, которая является одновременно точкой зрения всего мирового сообщества»⁸⁴. Одновременно газета осудила нерасторопность французских дипломатов, которые допустили предоставление французскими банками Турции многомиллионного кредита, лишив союзную дипломатию мощного рычага давления на Порту⁸⁵. Полную поддержку газеты встретили предложения русского посла в Константинополе барона М. Н. Гирса, которые открывали Турции «возможность наиболее безболезненного выхода из затруднительного положения, ею же самой созданного»⁸⁶. От Турции требовалось гарантировать неизменность режима проливов, обязаться не воздвигать новых укреплений в зоне проливов и не перестраивать старые укрепления, допустить русских инструкторов к участию в реорганизации жандармерии в Анатолии.

В то же время, обращаясь к характеристике положения Антанты, газета не жалела темных красок: соглашения, легшие в основу этого блока, имели своей главной целью поддержание баланса сил в Европе, однако недостаточная согласованность действий, нехватка политической воли привели к падению роли Антанты⁸⁷. «Тан» приходила к выводу, что настало время доказать, что державы, входящие в Антанту, не забыли о предназначении этого блока и по-прежнему, как и во времена его создания, готовы бороться за мир и стабильность в Европе⁸⁸.

Критика действий антантовской дипломатии со стороны газет, прежде всего российских, достигла своего пика как раз накануне непосредственного урегулирования проблем, вызванных отправкой германской военной миссии в Турцию. Так, в статье от 11 января 1914 г. газета «Новое время» заключала: «Тройственное согласие обратилось окончательно в тройное недоразумение»⁸⁹.

⁸² Le Temps. 1913, 15 Déc. P. 1; Ibid. 1913, 20 Déc. P. 1; Le Figaro. 1913, 15 Déc. P. 2; Le Petit Parisien. 1913, 19 Déc. P. 1; Le Matin. 1913, 7 Déc. P. 3; Ibid. 1913, 15 Déc. P. 3; Ibid. 1913, 17 Déc. P. 3; Ibid. 1913, 19 Déc. P. 3.

⁸³ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 587. Л. 14; Новое время. 1913, 29 ноября (12 декабря). С. 3; Там же. 1913, 2 (15) декабря. С. 4; Там же. 1913, 6 (19) декабря. С. 5; Le Temps. 1913, 20 Déc. P. 1; Ibid. 1914, 4 Jan. P. 1.

⁸⁴ Le Temps. 1913, 15 Déc. P. 1.

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ Ibid. 1913, 20 Déc. P. 1.

⁸⁷ Le Temps. 1914, 4 Jan. P. 1.

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Новое время. 1913, 29 декабря (1914, 11 января). С. 4.

Повсеместно в печати распространяется убеждение, что Антанте не хватает сплоченности, согласованности действий и это не позволяет ей эффективно противостоять ревизионистским устремлениям Германии (Австро-Венгрия рассматривалась антантовскими газетами как послушное орудие германской внешней политики). Однако важно подчеркнуть, что из осознания этого факта не следовало вывода о бесполезности Тройственного согласия или его нежизнеспособности. Наоборот, газеты во Франции и России настоятельно писали о необходимости извлечь урок из кризиса, вызванного миссией Лимана фон Сандерса, призывали дипломатов Антанты работать над укреплением этого блока⁹⁰.

К сожалению, в нашем распоряжении практически нет источников, которые бы позволяли судить об отношении широких слоев населения стран Антанты в описываемый период к международным скандалам и их освещению на страницах газет. Опросов общественного мнения в то время не проводилось ни в одной из стран, а конфликт вокруг германской миссии, оставаясь уделом профессиональных политиков, дипломатов и журналистов, явно не мог спровоцировать таких функциональных проявлений общественных настроений как митинги или демонстрации. В данном случае мы вынуждены ограничиваться анализом публикаций в средствах массовой информации, выдвигая гипотезу, что они находились в диалектической связи с общественными мнениями и потому могут хоть в какой-то степени помочь нам понять мировоззрение современников.

В российских архивах сохранились отдельные телеграммы русских дипломатов и агентов в Лондоне и Париже, специально затрагивающие проблему настроений в соответствующих странах. Так, посол в Лондоне А. К. Бенкендорф писал в Петербург, что англичане совершенно не интересуются внешнеполитическими проблемами, предпочитая оставлять их решение Э. Грею, и только по-настоящему серьезный международный кризис в состоянии их «пробудить»⁹¹. Впрочем, в конце телеграммы он заключал, что общественное мнение в целом недоволено нынешним положением дел внутри Антанты⁹².

Информацию о настроениях во французском обществе в этот период мы можем почерпнуть из секретного донесения русского военного агента во Франции полковника графа А. А. Игнатьева. Он констатировал: «Одним из главных устоев нашего союза является глубокая и слепая вера французского народа в нашу военную мощь и нашу готовность использовать эту мощь в тот день, когда существование Франции будет поставлено на карту»⁹³. А. А. Игнатьев отмечал, что в последнее время во французских газетах, в связи с развитием международной ситуации, все чаще стали появляться

⁹⁰ Там же. 1913, 6 (19) декабря. С. 5; Там же. 10 (23) декабря. С. 4; *Le Temps*. 1914, 4 Jan. P. 1; *Ibid.* 1914, 23 Jan. P. 1; *Ibid.* 1914, 29 Jan. P. 1.

⁹¹ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. 1914 г. Д. 323/327. Л. 9.

⁹² Там же.

⁹³ Российский государственный военно-исторический архив [Далее – РГВИА]. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3434. Л. 35.

статьи, в которых ставилась под сомнение эффективность Антанты вообще и русско-французского союза в частности. В то же время он писал: «Оценивая, однако, недоверие французского общества к газетному слову, я не считал возможным придать какого-нибудь серьезного значения этим первым публичным наветам»⁹⁴. Тем не менее, он все же решил сообщить о них в Петербург, из чего можно сделать вывод, что даже если влияние французских газет и было невелико, как это утверждал А.А. Игнатьев, появление подобных публикаций вызывало у него определенную тревогу.

Эти свидетельства ценны тем, что позволяют понять, как представляли обстановку в союзных странах профессиональные дипломаты, представители политической элиты Российской империи. Однако, по сути, они основаны все на том же анализе содержания газет того времени, в лучшем случае – на беседах с высокопоставленными английскими и французскими политиками. Таким образом, они дают возможность лишь отчасти скорректировать наши выводы.

12 января 1914 г. в «Новом времени» появились первые сообщения, что Лиман фон Сандерс был освобожден от командования I (Константинопольским) корпусом, и назначен главным инспектором армии и военных училищ Турции⁹⁵, а 22 января – сообщение, что «вопрос о германском гарнизоне в турецкой столице окончательно исчерпан»⁹⁶. Газета склонна была расценивать итоги переговоров по этому вопросу как полный крах российской внешней политики на Ближнем Востоке. По мнению «Нового времени», за видимой уступкой со стороны Германии требованиям русских дипломатов кроется «не сокращение полномочий германской военной миссии, а расширение их до степени полного господства над турецкой армией»⁹⁷. Подобную оценку деятельности российского Министерства иностранных дел в ходе этого кризиса дал и Е. В. Тарле. По его мнению, назначение Лимана фон Сандерса главным инспектором турецкой армии следует считать не столько уступкой, сколько издевкой со стороны Германии⁹⁸.

Эта негативная оценка итогов переговоров между Россией и Германией по вопросу о миссии Лимана фон Сандерса не нашла поддержки во французской прессе. «Тан» подчеркивала, что Россия теперь, после уступок, сделанных Германией, не имеет причин испытывать беспокойство в связи с присутствием в Турции германской военной миссии. По мнению газеты, Германия продемонстрировала искреннее желание как можно скорее урегулировать конфликт, пойти навстречу российским требованиям⁹⁹. Здесь читается стремление успокоить общественное мнение в союзной стране и одновременно постараться сгладить негативный эффект, произведенный на него нежеланием Франции поддержать Россию в столь важном для нее вопросе.

⁹⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3434. Л. 35.

⁹⁵ Новое время. 1913, 30 декабря (1914, 12 января). С. 4.

⁹⁶ Там же. 1914, 9 (22) января. С. 3.

⁹⁷ Новое время. 1914, 9 (22) января. С. 3.

⁹⁸ Тарле Е. В. Указ. соч. С. 246.

⁹⁹ Le Temps. 1914, 23 Jan. P. 1.

Так или иначе, формально инцидент был исчерпан. Однако скандал вокруг отправки в Турцию германской миссии имел два важных последствия. Как мы увидели, он поставил ребром вопрос о характере взаимоотношений между союзниками внутри Антанты. Проблема роста германского влияния в Турции, особенно ярко проявившаяся в отправке в Константинополь миссии генерала Лимана фон Сандерса, заставила правительства стран-членов Антанты, а вслед за ними и прессу Англии, Франции и России, по-новому взглянуть на свое место в этом блоке, на задачи и роль Тройственного соглашения. Одновременно он резко обострил отношения между Россией и Германией, создав атмосферу взаимных обвинений и завуалированных угроз, что привело к полномасштабной газетной «войне» между двумя странами.

За официальным признанием урегулирования кризиса, вызванного миссией фон Сандерса, не последовало, однако, успокоения прессы. Позиция, занятая российской печатью во время кризиса, вызвала всплеск возмущения немецких газет и, возможно, послужила одной из причин острейшего конфликта между национальной прессой двух стран, получившего в историографии название Газетной войны. Непосредственным поводом к началу кампании послужила статья в одной из авторитетных немецких газет («Кёльнише цайтунг»), в которой безапелляционно заявлялось, что военные приготовления России направлены исключительно против Германии, и что Россия планирует напасть на Германию осенью 1917 г., в связи с чем газета делала вывод о необходимости превентивного удара со стороны Германии и Австро-Венгрии.

Начавшись в феврале 1914 г.¹⁰⁰, антирусская кампания достигает в Германии своего пика весной¹⁰¹. Она вызывает самый широкий отклик в российских газетах, как указывалось в обзоре русского МИДа «вся печать, без различия направлений» встретила публикации немецких газет с резким осуждением. «Речь», «Русское слово», «Русские ведомости», «Биржевые ведомости», «Современное слово», «Московские ведомости», «Голос Москвы» приходили к выводу, что в этой кампании проявилось стремление немецких правящих кругов нагнетанию международной напряженности и шовинистических настроений внутри Германии с целью укрепления своих позиций, получения новых военных кредитов и оказания давления на русское правительство накануне переговоров по пересмотру торгового договора между двумя странами¹⁰².

«Новое время», сначала игнорировавшее резкий тон германских газет, активно включилось в полемику в марте 1914 года¹⁰³. Достаточно неожиданным стало то, что, вопреки своему обычному агрессивному стилю, «Новое время» первым делом призвало российское общественное мнение

¹⁰⁰ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 587. Л. 124; Le Temps. 1914, 23 Fév. P. 2; The Fortnightly Review. Vol. 95. 1914, March. P. 618.

¹⁰¹ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 587. Л. 152-158.

¹⁰² Там же. Л. 124-133.

¹⁰³ Новое время. 1914, 24 февраля (9 марта). С. 4; Там же. 1914, 27 февраля (12 марта). С. 4.

сохранять спокойствие: «В грохоте немецких угроз мы не можем ни отличить, ни угадать, где заканчивается запугивание, где начинается действие. Единственный для нас достойный выход это – не обращать внимания на запугивания и быть готовыми к борьбе, которой мы не призывали, не желали, но от которой уклоняться не к чему, если она несправедливо вызвана и незаконно замышлена»¹⁰⁴. Можно предположить, что подобная сдержанность была обусловлена тем, что российское правительство само еще не выработало к тому моменту четкой позиции в отношении демарша немецких газет и стремилось выиграть время.

В этот раз английские и французские газеты с самого начала открыто солидаризировались с российской печатью в осуждении вызывающего, провокационного тона немецких газет¹⁰⁵. «Тан» в статье «Германия и Россия» от 7 марта отмечала, что антирусская кампания в прессе не могла начаться без санкции германского МИДа и заслуживает самого сурового осуждения¹⁰⁶. Обвинения России в агрессивных намерениях со стороны германских средств массовой информации, с точки зрения «Тан», были совершенно необоснованны¹⁰⁷. Военные реформы, проводимые Россией, отмечала «Тан», носят исключительно оборонительный характер и обусловлены в первую очередь стремлением восстановить баланс сил, нарушенный новым немецким военным законом 1913 года¹⁰⁸. Именно соображения поддержания баланса сил и диктовали, подчеркивала французская газета, необходимость всестороннего укрепления Антанты и франко-русского союза в особенности: только военное равновесие является залогом мира при нынешнем положении дел в Европе¹⁰⁹.

Большой интерес представляет освещение антирусской кампании в германской прессе газетой «Матен» в статье «Тевтонская ярость» за 12 марта¹¹⁰. По мнению «Матен», «Санкт-Петербург столкнулся с заранее спланированной газетной кампанией, явно инспирированной официальными кругами»¹¹¹. Таким образом, газета заключала, что выступления германской печати не только не противоречат позиции своего правительства, но и во многом отвечают настроениям широких слоев населения.

«Таймс» в статье от 10 марта отмечала, что кампания в немецкой прессе направлена не просто против России, а против Антанты в целом, которая изображалась в качестве прямой угрозы немецким позициям в мире¹¹². Далее газета подчеркивала, ссылаясь на опыт предыдущих подобных конфликтов, что если бы германское правительство не было заинтересовано в этой антирусской кампании, оно бы

¹⁰⁴ Новое время. 1914, 1 (14) марта. С. 4.

¹⁰⁵ Le Temps. 1914, 7 Mars. P. 1; Ibid. 1915, 15 Mars. P. 1; Ibid. 1914, 21 Mars. P. 1; Le Figaro. 1914, 7 Mars. P. 2;

¹⁰⁶ Le Temps. 1914, 7 Mars. P. 1.

¹⁰⁷ Ibid. 1914, 14 Mars. P. 1; Ibid. 1914, 15 Mars. P. 1.

¹⁰⁸ Le Temps. 1914, 15 Mars. P. 1.

¹⁰⁹ Ibid. 1914, 21 Mars. P. 1.

¹¹⁰ Le Matin. 1914, 12 Mars. P. 1.

¹¹¹ Ibid. P. 3.

¹¹² The Times. 1914, 10 March. P. 7.

давно положило ей конец. Однако этого не произошло, что заставляло предположить, что нагнетание русофобских и милитаристских настроений в обществе отвечало интересам германских властей¹¹³. В то же время газета делала очень важное замечание: «Кампания в прессе не может рассматриваться как исключительно «сфабрикованная, искусственная», а скорость, с которой военная тревога охватила все слои населения Германии, заслуживает пристального внимания¹¹⁴. Английская газета заключала, что антирусская, шовинистическая пропаганда немецкой прессы в феврале – марте 1914 г. как минимум легла на подготовленную почву, а вполне возможно отражала и истинные настроения немецкого общества.

Постепенно антирусская кампания в германских газетах начала ослабевать, и 17 апреля «Новое время» констатировало ее полное прекращение¹¹⁵. Ее истинные цели так и остались до конца не установленными, оставив в недоумении даже лидеров стран Антанты, не говоря уже о широких слоях населения. Э. Грей даже обратился за разъяснениями к русскому послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу, но и тот не смог добавить ничего нового к слухам, циркулировавшим в прессе. В итоге английский министр иностранных дел заключил, что эту кампанию невозможно объяснить рационально¹¹⁶.

Каковы бы ни были истинные цели и причины немецкой газетной кампании, одним из ее главных итогов, с точки зрения пропаганды, стало определенное сплочение стран Антанты. По мнению «Нового времени», «державы тройственного согласия, а с ними весь славянский мир, теперь ясно сознают, что нарушительницей всеобщего спокойствия, что единственной опасностью для каждой из них является только Германия. При этих условиях тройственное соглашение является не выдумкой профессиональных дипломатов, а фатальной необходимостью»¹¹⁷. Эту мысль подхватили и развили «Московские ведомости»¹¹⁸. По мнению газет, резкий, шовинистический и милитаристский характер выступлений германских газет должен был раскрыть глаза русскому общественному мнению, привести к его сплочению.

Еще одним, на этот раз радостным, поводом для газет напомнить о силе Тройственного согласия и значении этого блока в поддержании стабильности и безопасности в мире стало празднование 8 апреля 1914 г. десятилетия англо-французской Антанты¹¹⁹. На волне взаимных славословий, не утихавших еще неделю¹²⁰, газетами Антанты с большим энтузиазмом было встречено сообщение о визите в конце апреля английской королевской четы во Францию.

¹¹³ Ibidem.

¹¹⁴ Ibid. 12 March. P. 5.

¹¹⁵ Новое время. 1914, 4 (17) апреля. С. 3.

¹¹⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 8. Л. 68.

¹¹⁷ Новое время. 1914, 1 (14) марта. С. 4.

¹¹⁸ Московские ведомости. 1914, 16 (29) марта. С. 1.

¹¹⁹ АМАЕ. Correspondance politique et commerciale, 1896-1918. Nouvelle série. Grande Bretagne. Vol. 22. P. 265-267; АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 587. Л. 233-237; The Times. 1914, 8 Apr. P. 9; Le Temps. 1914, 8 Avr. P. 1.

¹²⁰ The Times. 1914, 15 Apr. P. 8; Ibid. 1914, 16 Apr. P. 8; Ibid. 1914, 18 Apr. P. 9.

Во Франции и в России на этот визит возлагались особые надежды. В Париже и Петербурге считали момент наиболее подходящим для заключения формального военного союза с Англией и окончательного превращения Антанты в военно-политический блок. Русский министр иностранных дел С. Д. Сазонов телеграфировал А. П. Извольскому, чтобы тот через Р. Пуанкаре довел до сведения британского монарха готовность России пойти на решительное сближение с Великобританией¹²¹.

Предельно четко суть этих ожиданий изложила газета «Тан»¹²². Вновь подчеркнув, что Антанта основана, прежде всего, на общности интересов стран, в нее входящих, что за время своего существования она не раз демонстрировала свою силу и сплоченность, неизменно служа интересам поддержания мира в Европе, газета подчеркнула, что самым сокровенным желанием русской и французской общественности является окончательное превращение Антанты в полноценный союз¹²³. К тому же призывало и «Новое время»: «Существуют... две точки зрения, два мирозерцания... Одно мирозерцание утверждает, что опасность для европейского мира грозит со стороны Франции и России. Другое видит эту опасность в Берлине и тройственном союзе. Сущность политического положения заключается в том, что великобританским государственным людям необходимо стать на сторону того или другого мирозерцания»¹²⁴.

Таким образом, и Франция и Россия рассчитывали, что визит английской королевской четы в Париж приведет к тому, что Великобритания окончательно и бесповоротно заявит о своей позиции в случае войны, согласится на юридическое оформление союзов с Францией и Россией. Эти расчеты, естественно, не представляли никакого секрета для английских политиков. Взгляды английской правящей элиты на этот вопрос достаточно четко были выражены журналом «Контемпэрери ревью»¹²⁵. Отдавая дань уважения предложениям Франции и России, журнал подчеркивал, что традиционной политикой Великобритании в Европе было недопущение гегемонии со стороны какой-либо континентальной державы, насколько бы дружественной Англии она ни была¹²⁶. По мнению журнала, необходимы действительно серьезные аргументы, чтобы заставить Форин Офис отказаться от этой политики, и Франция и Россия пока не смогли их предоставить¹²⁷.

Когда стало очевидно, что союзные договоры Англия пока подписывать не спешит, французским и русским газетам с большим трудом удалось скрыть свое разочарование¹²⁸. «Новое время» почти дословно повторило доводы «Тан»: «В основе тройственного соглашения лежит... консервативно-

¹²¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914. Д. 323/327. Л. 15.

¹²² Le Temps. 1914, 22 Avr. P. 1.

¹²³ Ibidem.

¹²⁴ Новое время. 1914, 11 (24) апреля. С. 4.

¹²⁵ The Contemporary Review. Vol. 105. 1914, June.

¹²⁶ Ibid. P. 868.

¹²⁷ The Contemporary Review. Vol. 105. 1914, June. P. 868-869.

¹²⁸ АВПРИ. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 587. Л.244; Новое время. 1914, 12 (25) апреля. С. 4; Le Temps. 1914, 25 Avr. P. 1; Ibid. 1914, 25 Mai. P. 1.

миролюбивая идея: и так как каждый из трех участников тройственного соглашения принужден поддерживать эту идею в силу своих собственных интересов, то и нет никакой необходимости... превращать соглашение в «союз»¹²⁹.

«Фигаро» посвятила визиту английской королевской четы развернутую статью, в которой признавала, что существующая организация Антанты отличается излишней размытостью и медлительностью, и потому превращения ее в союз было бы, казалось, наилучшим решением¹³⁰. Однако газета тут же напоминала читателям, что подобная трансформация сопряжена с очень большими трудностями и издержками, на которые Англия пойти не готова¹³¹. Тем более что Антанта и в нынешнем состоянии в целом справляется со своей функцией поддержания мира и стабильности в Европе.

Таким образом, визит, который мог, по оценкам официозной прессы России и Франции, открыть новую страницу в истории Антанты, стал лишь еще одним поводом напомнить публике о значении Тройственного соглашения.

Если абстрагироваться от пропагандистской риторики, то можно назвать несколько причин, по которым английское правительство не желало связывать себя формальными военными обязательствами с другими странами Антанты. Во-первых, к весне 1914 г. отношения между Германией и Россией испортились настолько, что в случае англо-германского конфликта Англии и без официального союза была гарантирована поддержка со стороны России. При этом Англия сохраняла свободу маневра в случае вооруженного конфликта между Россией и Центральноевропейскими монархиями. Во-вторых, затягивая заключение союза, который был остро необходим России и Франции в случае подобного конфликта, Великобритания автоматически обеспечивала себе большую сговорчивость и готовность идти на уступки с их стороны. В-третьих, в тот момент заключение союза с монархической Россией обернулось бы яростными протестами со стороны лейбористов и либеральной общественности¹³²; действительно, для столь резкого поворота во внешней политике Англии нужны были очень веские причины.

Принципиально новой чертой публикаций в странах Антанты накануне Июльского кризиса следует признать то, что если в предшествующие международные конфликты и кризисы пресса старалась избегать откровенных выпадов в адрес Германии, за ней признавалось право наращивать свои вооружения, ее прямо не обвиняли в агрессивных планах, то теперь эти предосторожности были отброшены. Именно Германия объявлялась главным дестабилизирующим положение в Европе фактором, именно перед лицом германской угрозы должны были сплотиться страны Антанты.

¹²⁹ Новое время. 1914, 13 (26) апреля. С. 4.

¹³⁰ Le Figaro. 1914, 24 Avril. P. 1.

¹³¹ Ibidem.

¹³² Bestuzhev I.V. Op. cit. P. 106.

На страницах газет появляются статьи, в которых прямо говорится о перспективе войны с Германией, о возможном развитии боевых действий в первые дни войны¹³³.

Предельно четко тревожные настроения были сформулированы «Московскими ведомостями» в конце мая 1914 года в статье «Накануне войны»¹³⁴. Газета констатировала, что Европа стоит на пороге войны, «никакого другого логического умозаключения нельзя вывести из всей совокупности и последовательности событий, как внешних, так и внутренних, о которых рядовой обыватель осведомляется ежедневной печатью»¹³⁵. Отбросив прежнюю сдержанность и осторожность, которая отличала большинство антантовских газет, когда речь заходила о росте германских вооружений, «Московские ведомости» прямо заявляли: «Не требуется особой проницательности, чтобы догадаться против кого... собирает Германия огромные полчища при величайшем напряжении экономических сил... Продолжаться долго такое напряжение не может, оно было бы слишком разорительно, и Германия рисковала бы быть раздавленной тяжестью, если замедлит навалить ее на тех, для кого приготавлилась, именно – на нас»¹³⁶.

Можно заключить, что по крайней мере накануне Июльского кризиса в странах Антанты предпринимались, пусть и не всегда последовательные, усилия, чтобы подготовить общественное мнение к войне. От инцидента к инциденту, от кризиса к кризису нарастал конфликтный потенциал в международных отношениях. Соответственно становилась все более резкой полемика в печати, на население великих держав обрушивалась все более агрессивная пропаганда. Вне зависимости от конкретных причин (будь то желание провалить через парламент военные кредиты, новый военный закон, добиться более выгодных условий торгового договора или отстоять позиции на международной арене) населению постоянно внушалась мысль об агрессивных замыслах соседей, о необходимости быть наготове.

На наш взгляд, алармистские публикации периодической печати имели кумулятивный эффект. Правительство и владельцы газет, журналисты могли начинать газетные кампании, ставя перед собой вполне конкретные цели и задачи, а добившись их, официально признавать тот или иной инцидент «исчерпанным», конфликт – «разрешенным» и так далее. Однако газетные кампании, когда в течение определенного, иногда весьма продолжительного, периода времени периодическая печать из номера в номер создавала у читателя некий образ враждебной державы, нации (в случае Франции и Германии) или расы (в случае германцев и славян), не могли не иметь сильной инерции. Какое значение могло представлять официальное заявление о «закрытии» некоего политического конфликта, если население,

¹³³ Новое время. 1914, 16 (29) апреля. С. 4; Там же. 1914, 23 апреля (6 мая). С. 4.

¹³⁴ Московские ведомости. 1914, 14 (27) мая. С. 1; Там же. 1914, 15 (28) мая. С. 1.

¹³⁵ Московские ведомости. 1914, 14 (27) мая. С. 1.

¹³⁶ Там же.

под воздействием пропаганды, продолжает мыслить категориями, порожденными газетной войной? Таким образом, каждая последующая кампания накладывалась на предыдущую, как бы подкрепляя ее новыми доказательствами. Так, постепенно и исподволь в общественном сознании шло формирование образа врага, а также укоренялась идея о возможности, если не необходимости, большой войны в Европе.

Впрочем, необходимо сделать несколько существенных оговорок. Говоря об общественных настроениях в странах Антанты накануне Первой мировой войны, следует избегать излишне упрощенных и категоричных оценок. Приведенные выше выводы характеризуют, главным образом, настроения политических и интеллектуальных элит в Англии, Франции и России. Именно они, в рассматриваемый период проявляли живой интерес к перипетиям международных отношений. Именно их взгляды, в первую очередь, отражали средства массовой информации, комментируя нарастание международной напряженности. Сложнее судить о настроениях широких слоев населения, которые мало интересовались внешнеполитическими кризисами, лишь эпизодически выражали свое мнение посредством различных функциональных проявлений настроений: антивоенных выступлений, забастовок, патриотических манифестаций и т.п.

Важно подчеркнуть, что, если, как показал проведенный в данной статье анализ общественных настроений в странах Антанты в 1913 – первой половине 1914 гг., представления о возможности скорой общеевропейской войне и получили определенное распространение среди современников, отношение к подобной перспективе было далеко неоднозначным. Полемика во французской печати вокруг закона о трехлетней воинской службе и отклики на нее в английских средствах массовой информации недвусмысленно продемонстрировали наличие в этих странах сильной антивоенной оппозиции, которая обладала значительным политическим весом и опиралась на широкую общественную поддержку.

Наконец, не менее важным представляется еще одно наблюдение: рассуждения в средствах массовой информации о возможности и даже неизбежности скорой войны в Европе со всей очевидностью обнажили те противоречия, что характеризовали взаимоотношения внутри Антанты накануне Первой мировой войны. Скандал вокруг отправки в Турцию германской военной миссии во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом осенью 1913 г. наглядно показал, что Восточный вопрос продолжал отравлять отношения между Россией и ее западными партнерами по Антанте. Англия и Франция с подозрением относились к любым российским предложениям, касавшимся расстановки сил на Балканах и в зоне проливов, и потому не спешили оказывать ей дипломатическую поддержку в противодействии германским внешнеполитическим инициативам. Не меньшую проблему для сторонников укрепления Антанты в тот период представляла весьма двусмысленная позиция Англии. Откровенное нежелание английского правительства связывать себя формальными военными обязательствами с партнерами по Антанте вызывало вопросы о ее возможных действиях в случае начала общеевропейской войны как в

самой Англии, так и в континентальных державах. В этом состоянии внутренней раздробленности и взаимного недоверия страны Антанты встретили Июльский кризис 1914 г.

Библиография:

1. Антюхина-Московченко В.И. История Франции. 1980-1918. М.: Изд-во ИМО, 1963.
2. Евдокимова Н.П., Виватенко С.В. Раймон Пуанкаре – президент Франции. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.
3. Сергеев Е.Ю., Улунян Ар.А. Военные агенты Российской империи в Европе, 1900-1914. М., 2003.
4. Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма. 1871-1919. М.: Гос. изд., 1928.
5. Becker J.-J. 1914: Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977.
6. Becker J.-J. La population française face à l'entrée en guerre // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914-1918. Paris, 1990.
7. Bestuzhev I.V. Russian Foreign Policy. February-June 1914 // 1914: The Coming of the First World War. New York: Harper and Row, 1966.
8. Herrmann D.G. The Arming of Europe and the Making of the First World War. Princeton: Princeton University Press, 1996.
9. Keiger J.F.V. Britain's "Union Sacrée" in 1914 // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914-1918. Paris, 1990.
10. Keiger J.F.V. France and the Origins of the First World War. London: Macmillan, 1983.
11. Loez A. 14-18: Les refus de la guerre. Une histoire des mutins. Paris: Gallimard, 2010.
12. Loez A. La Grande Guerre. Paris: La Découverte, 2010.
13. Luntinen P. French Information on the Russian War Plans, 1880-1914. Helsinki: SHS, 1984.
14. Marwick A. The Deluge. British society and the First World War. London: Palgrave, 2006.
15. McMillan J. The Way it was, 1914-1934. London: Kimber, 1979.
16. McPhee P. A Social History of France, 1789-1914. New York: Palgrave, 2004.
17. Mulligan W. The Origins of the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
18. Renouvin P. La crise européenne et la Grande guerre. Paris: Alcan, 1934.
19. Schor R. La France dans la Première guerre mondial. Paris: Colin, 1997.
20. Steiner Z.S. The Foreign Office and Foreign Policy, 1898-1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
21. Stevenson D. Armaments and the coming of war: Europe, 1904-1914. London: Clarendon Press, 1996.
22. Winter J.M., Baggette B. 1914-18: Le grand bouleversement. La Cite: Presses de la Cite, 1997.